

КНИЖКИ МАЛЕНЬКОГО ЁЖИКА

Монах Лазарь (Афанасьев)

ОДИНОКАЯ СОСНА

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва 2008

Художник *Н. Седулина*

Монах Лазарь (Афанасьев)

Л 11 Одинокая сосна (Серия «Книжки маленького Ёжика»). — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 12 с. — ил.

ISBN 5-94625-109-0
ISBN 978-5-94625-231-7

Оказывается, грустить могут не только люди, но и деревья. Монах Лазарь поведал нам историю, в которой одна сосна долгое время унывала от одиночества, да так, что у неё от слёз ствол стал золотым, потому что слёзы её были чистая смола.

Но однажды у одинокой сосны остановился спасающийся от преследования монах. Ему тоже было плохо. И потому к молитве сосны добавился ещё один вопиющий глас, ещё одна горячая молитва: «Господи, помоги!». И случилось чудо, которое стало утешением не только для одинокой сосны и страждущего инок, но и для всей природы и всех людей на многие-многие годы. Какое? Об этом вы узнаете со страниц нашей книги.

Издание рассчитано на дошкольный и младший школьный возраст.

© Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2008
© Монах Лазарь (Афанасьев), 2008
© Н. Седулина, иллюстрации, 2008

ISBN 5-94625-109-0
ISBN 978-5-94625-231-7

Давным-давно, во времена, когда ещё была здесь не Россия, а Святая Русь, шумел тут такой могучий лес, что птицам, пролетающим над ним, казался он зелёным океаном. Тяжёлые волны хвои и лёгкая рябь листвы бежали по его поверхности. А там, в глубине леса, обитали звери — медведи, волки, лисы, зайцы, ежи и множество других зверей, и даже таких, которых сегодня в лесу и не увидишь.

Говорят, что тогда ещё жил здесь последний русский лев, на которого охотились князья, да никак не могли его одолеть. Ещё водился тут некий индрик-зверь, которого, правда, никто никогда и не видел. Упоминали старики в своих рассказах и дивную птицу-деву сирина, усыплявшую своим пением тех, кто её слушал. Это был лес, куда татаро-монгольские воины так и не проникли. Вот сюда и бежал один инок, спасшийся от них, из разорённой обители, что расположена была на реке Жиздре. Ни одного монаха не осталось там в живых.

В этом лесу, в самой его глубине, была обширная поляна-холм, на которой среди буйной травы и цветов росла одинокая сосна. Ей никто не заслонял света, корням её в земле был простор, — вот она и поднялась выше всех деревьев. Могучий ствол её, прямой, как копьё, казался отлитым из чистого золота. А ветви, раскинувшиеся высоко вверху, зеленели в голубом небе подобно изумруду.

Казалось — хорошо ей так жить... Но она с годами становилась всё грустнее и грустнее. Отчего же? Да оттого, что нельзя было пошептаться с подругами — теми соснами, которые дружной толпой теснились у края поляны, в лесу. Оттого, что её корни не сплетались с их корнями. Оттого, что хвоя её ветвей от ветра не перемешивалась с хвоей других сосен. Оттого, что белочки редко прибегали к ней, — хватало им шишек и в лесу. Даже птицы садились на её ветви реже, чем на ветви других деревьев: она поднималась так высоко, что ветер качал её слишком сильно. И ни одного гнезда не было в её кроне.

И вот монах в изорванном и обгорелом подряснике, уже немолодой, седобородый, пришёл сюда, к этой одинокой сосне. По дороге он набрал немного ягод и кореньев. Помолившись и потрапезовав, он хотел было двинуться в дальнейший путь, но внутренний голос, как бы из самого сердца, сказал ему: «Останься тут».

Обошел он весь холм, наверху ровностью подобный столу, а к лесу сбегающий крутыми откосами. Нашёл небольшой родничок и напился. Вода была чудесная, какой он и не пробовал в своей жизни... Холм возвышался над лесом, поэтому монах увидел вокруг себя зелёное море, которому не было конца-края...

Возвеселился он сердцем о Господе и встал на колени лицом к Востоку. Долго-долго он молился, поминая братьев-мучеников, полёгших за Иисуса Христа от меча и огня. А потом, усталый, прилёг под сосной и погрузился в сон. Он ведь уже несколько ночей не спал.

A vibrant, stylized illustration of a night sky. On the left, a monk with a beard and a brown habit is shown in profile, his hands raised in prayer. The sky is a deep blue, filled with numerous bright, multi-pointed stars and a glowing crescent moon. On the right, a tall, golden bell tower with multiple levels and bells is depicted. The tower is surrounded by many white doves in flight, some with halos. The overall scene is illuminated with a warm, golden light, suggesting a divine or miraculous event.

Слышится ему во сне праздничный колокольный звон, будто на Пасху... Что за диво! Открыл он глаза и увидел золотую колокольную, сияющую светом неведомым, райским, а над ней яркие звёзды. Наверху, там, где звонят, вокруг колокольной будто бы голуби — многое множество! А это ангелы там летают и поют.

Поднялся монах, посмотрел, — но уже ничего не стало видно. Покачивается в тишине высокая сосна. Звёзды светятся над спящим лесом... Стал он молиться и класть поклоны, а под утро опять заснул. И снова разбудил его колокольный звон, опять послышалось ангельское пение! Солнце только-только начало всходить...

«Смотри, смотри наверх! — говорил ему некий внутренний голос. — То, что ты там увидишь, ты должен будешь достать». И увидел инок в кроне сосны икону Царицы Небесной, Пресвятой Богородицы!

Весь этот день он молился, обращая свой взор к дивно явившемуся

образу. С утра до заката слышался приглушённый, словно доносящийся из глубины неба колокольный звон.

Всю-то ночь думал монах о том, как бы ему изловчиться и залезть на такую страшную высоту... Много он молился, прося разумления у Господа Бога и Пречистой Богородицы, молитвенной помощи у святых, благословения у всех Сил Бесплотных. А утром стал готовить крепкие травяные стебли и всякое лыко и потом вить верёвку.

Через несколько дней он принялся, начиная снизу, туго обвязывать ствол сосны, делая петли, куда

можно было вставлять мыски босых ступней. Так, постепенно поднимаясь, он достиг середины дерева. Но тут солнце скрылось за тучами, в наступившей тьме загрохотал гром, налетел сильный ветер, а затем при блеске молний обрушился с неба ливень. Крепко держался монах за ствол, но буря так гнула дерево, что верёвки ослабли, а кое-где размокли и оборвались. И вот при сильном порыве ветра монах упал на землю и потерял сознание.

Два или три дня лежал он, весь разбитый, и понемногу приходил в себя. Буря повалила в лесу много деревьев, но сосна стояла по-прежнему — незыблемо, стройно. И святая икона Пречистой в её кроне излучала свет ярче солнечного.

Призвав на помощь Господа и Матерь Божию, сонмы ангелов и всех святых, инок снова принялся за работу. И вот он опять медленно продвигается к вершине сосны... Вот уже осталось совсем немного! Только руку протянуть!.. «Матерь Божия! — от всего сердца возопил он. — Помоги мне, окаянному!»

Наконец инок спускается вниз. Святая явленная икона у него на груди. Ещё медленнее двигается он, нащупывая босыми ногами петли, сначала пробуя их на крепость... Вот и земля.

— Слава Тебе, Господи! — возликовал монах и положил икону Царицы Небесной на сделанный им из крепких сучьев аналой. Всё время приглушённо звучавший колокольный звон раздался во всю силу. А дивная одинокая сосна вся сияла, прислушиваясь к горячим молитвословиям монаха.

Прошли долгие-долгие годы... Много поколений деревьев сменило в лесу друг друга. Не стало и тех сосен, которые шептались друг с дружкой на опушке у подножия холма в те давние времена, когда пришёл сюда одинокий монах. Другие сосны теснятся там... А на холме возвышается

